

ОТ ПРАЗДНИКА К ВОЙНЕ
(об истоках кипро-генуэзского конфликта
1373–1374 гг.)

Кипро-генуэзская война 1373–1374 гг. стала поворотным событием в истории королевства Лузиньянов в целом и его взаимоотношений с Генуэзской республикой в особенности¹.

В 1365 г. король Пьер I Лузиньян в который раз в истории королевства гарантировал генуэзцам широкие административные и торговые привилегии на острове². Они добились от кипрской стороны выполнения всех своих требований. Отношения между Генуей и Кипром, которые были сильно осложнены в 1330–1360 гг., в значительной степени нормализовались благодаря договору 1365 г. Генуя отстояла свои привилегированные позиции на острове, которые она обеспечила себе еще в 1232 г. и которые всегда выделяли ее граждан среди других иностранцев как наиболее независимых от королевской власти³. Однако привилегированное положение Генуи на острове никогда не давало покоя Венеции и всегда оставалось причиной зависти последней. На протяжении XIII – первой половины XIV в. кипрским монархам удавалось балансировать между интересами иностранных купцов, сдерживать их противостояние на территории своего королевства, а также гасить их взаимную агрессию. Со смертью Пьера I Лузиньяна начался новый период в истории королевства Кипр, значительно более печальный и даже трагичный по сравнению с предыдущим, что было связано не столько с политикой Генуи на острове, сколько с ослаблением королевской власти и ее неспособностью контролировать ситуацию.

Внутриполитическая ситуация на Кипре после смерти в 1369 г. Пьера I Лузиньяна была весьма сложной. Глубокий внутриполитический кризис, начавшийся в последние годы правления Пьера I⁴, после его убийства только

¹ *Machairas L. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled Chronicle* / Ed. R.M. Dawkins. Vol. I. Oxford, 1932. Ch. 362–481; *Amadi F. Chronique de Chypre* / Publ. par R. Mas-Latrie. P., 1891 (Repr. *Amadi F. Cronaca di Cipro* // Introduzione di S. Beraud. Nicosia, 1999). P. 440–481; *Bustron F. Chronique de l'île de Chypre* / Publ. par R. Mas-Latrie. P., 1886 (Repr. *Bustron F. Historia overo commentarii de Cipro*. Nicosia, 1998). P. 295–341; *Strambaldi D. Chronique de Chypre* / Publ. par R. Mas-Latrie. P., 1893. P. 146–198; *Hill G. History of Cyprus*. Vol. II. Cambridge, 1948. P. 386–416; *Edbury P. Cyprus and Genoa: the Origins of the War of 1373–1374* // *Πρακτικά του Δευτέρου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου*. Vol. II. Nicosia, 1986. P. 109–126; *History of the Crusades* / Ed. K. Setton. Wisconsin, 1969–1985. Vol. III. P. 361–367.

² *Mas-Latrie L. Histoire de l'île de Chypre*. Vol. II. P., 1855–1861. P. 254–266; *Machairas L. Op. cit.* Ch. 153.

³ *Hill G. History of Cyprus*. Vol. II. P. 316; *Близнюк С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре*. М., 1994. С. 51–53; *Lefevre R. Le basi giuridiche dell'organizzazione genovese in Cipro (XIII–XV sec.)* // *Rivista di storia del diritto italiano*. 1938. Vol. XI. Fas. 2. P. 399; *Pistarino G. Genovesi d'Oriente*. Genova, 1990. P. 426–427.

⁴ *Близнюк С.В. Крестоносцы позднего средневековья*. М., 1998. С. 44–47; *Edbury P. The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1374*. Cardiff, 1991. P. 161–179; *Idem. Cyprus and Genoa: the Origins of the War of 1373–1374* // *Πρακτικά του Δευτέρου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου*. Vol. II. Nicosia 1986. P. 109.

усугубился. До 1372 г. реальная власть в государстве принадлежала братьям убитого короля Жаку и Жану Лузиньянам. Последний был провозглашен Высшим советом Кипра регентом при несовершеннолетнем Пьере II, сыне Пьера I. Весь 1371 г. и начало 1372 г. папа Григорий XI (1370–1378) был обеспокоен проблемой передачи трона законному наследнику и сыну прежнего короля Пьеру II Лузиньяну. Папа писал письма регенту Жану Лузиньяну, его брату Жаку, королеве-матери Элеоноре Арагонской и настаивал на том, что власть должна быть передана законному наследнику. Причем если в марте 1371 г. папа еще мягко призывал регента и королеву-мать позаботиться о благе их короля (*ad bonum regis Cypri*), то в мае того же года он открыто требует провести коронацию. С этой целью на остров отправляются папские легаты (*ut coronatur dictus rex*)⁵.

Наконец, 12 января 1372 г. Пьер II Лузиньян, граф Триполи, был коронован как король Кипра в соборе св. Софии в Никосии. Однако возлагать на него корону Иерусалима почему-то не торопились. В результате папа Григорий XI фактически был вынужден напомнить регенту, что Кипр, как государство крестоносцев, всегда находился в вассальной зависимости от Рима. Это означало, что повеление папы – закон для кипрского правителя и тот обязан привести королевство под власть Римской курии (*inducat regem Cypri ad tenendum in curia Romana*). То же самое послание он отправил и королю⁶. Лишь спустя почти год, 12 октября 1372 г., состоялась церемония венчания Пьера II короной Иерусалима в соборе св. Николая в Фамагусте. К тому дню весь кипрский двор, многочисленные гости, послы других государств, богатейшие купцы съехались в Фамагусту. Все, естественно, ожидали многодневного великолепного и пышного празднества. В городе все было готово для роскошного приема гостей, проведения рыцарского турнира, для пира и величественного бала. Однако вместо веселого праздника получилась великая трагедия. Многолетняя вражда Венеции и Генуи выплеснулась во время коронации в жестокое кровопролитие. Как говорят кипрские хронисты, поводом для конфликта послужил всего-навсего простой спор между генуэзцами и венецианцами о том, кому какое место следует занимать около короля во время церемонии коронации. Венецианцы встали справа от короля, в то время как они, согласно традиции, должны были стоять слева. Справа же было место генуэзцев. Последние не только сочли действия противников дерзкими и незаконными, но и усмотрели в них посягательства на их древние привилегии, в связи с чем громко заявили свой протест. Как говорит Леонтий Махера, венецианцы попытались воспользоваться тем, что в тот момент их граждан в городе было больше, чем генуэзцев, поскольку в порту стоял большой венецианский корабль. Это придавало венецианцам смелости и подталкивало к активным действиям против соперников⁷. Демарш венецианцев спровоцировал беспорядки, которых кипрские власти не ожидали. В первый момент киприоты растерялись и немного испугались скорее за короля и его личную безопасность, чем за то, что ситуация в городе может выйти из-под контроля.

⁵ Grégoire XI (1370–1378). *Lettres secrètes et curiales intéressant les pays autres que la France* / Publ. par G. Mollat // BEFAR. 1962–1965. Ser. 3. Fasc. 1. N 62–63, 66, 133, 135.

⁶ Grégoire XI (1370–1378). *Lettres secrètes...* N 802–803.

⁷ *Machairas L. Op. cit. Ch. 325.*

Махера говорит, что “когда принц (т.е. принц Антиохийский Жан Лузиньян. – С.Б.) увидел, что началось великое волнение (τὴν ταραχὴν μεγάλην), он оттеснил в сторону генуэзцев и венецианцев и сам взял под уздцы королевскую лошадь. С ним также находился сенешаль⁸ ... Слева от короля шел сеньор Арсуфа⁹.” Так они проводили короля от собора св. Николая до королевского дворца¹⁰. Однако триумфального шествия короля по городу не получилось. Сначала приближенные короля восприняли случившееся как простое столкновение между венецианцами и генуэзцами – явление между ними нередкое – и были уверены, что его удастся урегулировать без особых усилий. Хронист сначала называет произошедшее столкновение просто “волнением” или “скандалом” (ταραχὴ, σκάνδαλον)¹¹. Казалось, достаточно расставить всех по своим местам: генуэзцев – справа, венецианцев – слева, и беспорядки прекратятся сами собой. Никто не собирался отказываться от веселого праздника, увлекательного рыцарского турнира, обильного ужина и бала.

После коронации все гости собрались в королевском дворце. Начался пир, во время которого каждый занял место, согласно своему статусу и традиции. Казалось, все проблемы решились сами собой. Однако венецианцы и генуэзцы не столько вкушали угощения, сколько, по словам Махеры, “скрежетали зубами и угрожали друг другу”. Наверное, лишь присутствие короля и атмосфера праздника поначалу как-то сдерживали представителей двух республик и не дали им сразу же наброситься друг на друга. При этом и те, и другие пришли на пир с оружием. Лишь стоило королю ненадолго удалиться, чтобы переодеться и вернуться к началу танцев (τὰ ρηίσματα), как соперники начали драку. В свете этого кажется особенно странным, что король, по словам Махеры, отправился переодеваться не в покои своего дворца, а в дом одного из богатых горожан Фамагусты сира Дени Петера, поскольку дом последнего находился рядом с королевским дворцом. Амади, правда, говорит, что король все же отправился с этой целью в покои собственного дворца¹². Как бы то ни было, возникает ощущение, что короля на самом деле увели с праздника под каким-то благовидным предлогом. Кто был к этому причастен, источники умалчивают. Гостям же было объявлено, что королю перед танцами необходимо поменять наряд. Версия о переодевании, которая со временем обросла еще и легендами типа того, что дом сира Дени Перера был соединен с королевским дворцом неким мостом, по которому обычно переходили из одного здания в другое¹³, и была передана кипрским хронистом.

Попытки свиты короля разоружить зачинщиков драки и погасить конфликт оказались безрезультатными¹⁴. События развивались стремительно.

⁸ Принцем и сенешалем был дядя короля: принц Антиохийский и регент королевства Жан Лузиньян.

⁹ Т.е. Филипп Ибелин.

¹⁰ Собор св. Николая и королевский дворец в Фамагусте находились на одной площади в центре города. Расстояние между ними ок. 150 м.

¹¹ *Machairas L. Op. cit. Ch. 325.*

¹² *Ibid. Ch. 328–329; Amadi F. Op. cit. P. 432–433.*

¹³ *Machairas L. Op. cit. Ch. 329:* “... τὸ ἀπλίκιον τοῦ Πέτρου ἦτον κοντὰ τῆς αὐλῆς τοῦ ὀγγός καὶ ἐποικῶν γιοφύριον καὶ ἐπηγαίνναν ἀπὸ τῶναν σπῆτιν εἰς τὸ ἄλλον”.

¹⁴ *Ibid. Ch. 328–330.*

Конфликт сразу же вылился на улицы города, и горожане Фамагусты не остались сторонними наблюдателями. Сначала все выбежали посмотреть, что случилось, потом же жители города весьма охотно приняли участие в драке и разграблении лоджии генуэзцев, в которой особый интерес представлял сундук с документами (τὸ σεντοῦκιν τῶν ὑραφικῶτων). Многие граждане Лигурийской республики были убиты в первые же часы конфликта, другие были вынуждены спасаться бегством. Опустошена была не только лоджия генуэзцев, но и, конечно, купеческие лавки и склады¹⁵. Простая драка очень скоро переросла в настоящее восстание против генуэзцев. Вся ненависть киприотов к генуэзцам, все антигенуэзские настроения, которые копились не одно десятилетие, проявились в день 12 октября. В народе бытовало мнение, что генуэзцы не только грабят Кипр и его население, но и хотят захватить остров. Недаром Леонтий Махера характеризовал генуэзцев как “надменный и коварный” народ, который всегда старался “прибрать Кипр к своим рукам”¹⁶. Неудивительно, что в конфликт, который начался как простой раздор между гражданами двух итальянских республик, сразу же оказались вовлечены киприоты. Тем не менее необходимо учитывать, что антигенуэзские выступления в Фамагусте 1372 г. были исключительно стихийны. Позднее генуэзские хронисты попытаются переложить всю вину за уличную резню на кипрских аристократов, и в первую очередь на принца Антиохийского, самого могущественного из них, который, по их словам, отдал приказ о нападении на генуэзцев¹⁷. Однако сначала не было ни малейшего намека на какие бы то ни было организованные действия сторон друг против друга. В первый момент никто не мог и предположить, какие последствия будут иметь эти события для Кипра и для всей геополитической ситуации на Леванте. Никто на Кипре тогда не думал, что Фамагуста на много лет станет яблоком раздора в отношениях двух государств: Кипрского королевства и Генуи.

Поведение короля в событиях октября 1372 г. примечательно. При первой вспышке конфликта на выходе короля из собора св. Николая, как мы видели, его постарались побыстрее проводить во дворец и как бы спрятать в его стенах. Во второй раз Пьера II просто оставили в одной из комнат дворца, где, вероятно, он чувствовал себя в большей безопасности и ждал, когда его дяди, как и прежде, решат за него неожиданно возникшую проблему. Бездействие, пассивность, нерешительность и беспомощность короля с самого начала не предвещали для будущего королевства ничего хорошего. Слабый, безволь-

¹⁵ Ibid. Ch. 329–331; *Amadi F.* Op. cit. P. 433; *Bustron F.* Op. cit. P. 289; *Strambaldi D.* Op. cit. P. 353–356; *Lusignan E.* Description de toute l’isle de Chypre. P., 1580. P. 149–151

¹⁶ *Machairas L.* Op. cit. Ch. 153 (Τὸ λοιπὸν τὸ σουλέρτιον γένος τῶν Γενουβίων καὶ παράβουλον, ὁποῦ πάντα πλημελοῦσα νὰ πάρουν τὴν Κύπρον [εἰς τὸ χέριν τους]... – И вот генуэзский народ, высокомерный и коварный, который всегда пытался прибрать к рукам Кипр...).

¹⁷ *Stellae G. et I.* Annales Genuenses / A cura di G. Petti-Balbi // *Rerum Italicarum scriptores.* Vol. XVII. Pt. II. Bologna, 1975. P. 165–166: “...unde proceres quidam et decuriones regni illius, presertim Antiochenus princeps, regis patruus et pre ceteris potens, indignati valde contra Ianuenses, tantum crudeliter nimis mandarunt aggressum, quos Ianuenses Ciprici percutientes nepharie ex ipsis Ianuensibus, memoria se non fallitur, octo scelesta iracundia etiam occiderunt” – “...тогда некоторые аристократы и декурiones этого королевства, особенно принц Антиохийский, дядя короля и потому могущественный, очень разгневались на генуэзцев и приказали самым жестоким образом совершить нападение, чтобы киприоты убивали генуэзцев... и если не изменяет память в приступе чудовищной ярости они убили восемь человек”).

ный, неопытный в политике новый король не обладал ни политическим чутьем своего деда Гуго IV, ни политической волей импульсивного, энергичного, властного и невероятно смелого отца Пьера I, который в любой ситуации оставался королем и воином, вникал во все дела, являлся вдохновителем и проводником своей политики¹⁸. Пьер II, получив кипрскую корону, не освободился от зависимости от дядей, а также не вышел из под влияния своей матери Элеоноры Арагонской. Интересы последней, заметим, не совпадали с политикой братьев ее мужа. Это были два полюса, два противоположных, противоборствующих политических лагеря в Кипрском государстве, между которыми всегда будет находиться Пьер II. Киприоты однако, согласно Махере, боялись вмешательства в дела королевства Арагона, и принц Антиохийский на этом основании не рискнул арестовать королеву-мать или отправить ее в ссылку¹⁹. Таким образом, Кипрское королевство в течение нескольких лет после смерти Пьера I и до генуэзского вторжения на остров переживало острейший внутривосточный кризис. При таких обстоятельствах отсутствие у Пьера II собственной четкой позиции в государственных делах сыграет вскоре самую негативную роль в истории Кипрского королевства, о чем мы скажем чуть ниже.

Сразу после коронации Пьер II явно пребывает в состоянии эйфории. Он не только не осознает всей опасности произошедшего, но и сам невольно разжигает пламя скорой войны. Через несколько дней после коронации и начала конфликта Пьер II жалует своим приближенным, согласно традиции, титулы и должности Иерусалимского королевства. Самые высокие из них получили, естественно, члены королевской семьи. Так, Жак Лузиньян, дядя короля, сохраняет за собой должность коннетабля Иерусалимского королевства, которую он занял как младший сын Гуго IV еще при жизни отца²⁰. Свой собственный титул графа Триполи новый король передал своему кузену и сыну принца Антиохийского Жаку Лузиньяну. Леон де Лузиньян стал сеньором королевства²¹, он был, кроме того, королем Киликийской Армении Левон VI и сеньором Тира. Одновременно по требованию своей матери король жаловал многочисленные фьефы ее сторонникам. Казалось бы, в этом не было ничего удивительного. Однако новый монарх, как обычно, не учел сложившихся при дворе отношений и своими действиями породил еще один конфликт, созревший уже внутри правящей фамилии. Дяди короля, узнав о новых пожалованиях, “дабы предотвратить гибель королевства и вред, который они бы сами себе причинили (διὰ τὰ μὲν ξηλοθρευτῆ τὸ ῥηγάτον, καὶ ἡ ζῆμια πέσει ἄλλάνω τους), уговорили Пьера II аннулировать его решения о раздаче фьефов на том основании, что он еще не достиг двадцатипятилетнего возраста²². Естественно, непоследовательность короля подпитывала ненависть Элеоноры Арагонской к братьям ее покойного мужа и могла лишь разъединять кипрское общество в борьбе с хорошо организованным и

¹⁸ *Близнюк С.В.* Крестonosцы позднего средневековья. С. 29–30; *Bliznyuk S.* Die Fremden am Hofe der Könige von Zypern im 14/15 Jhd. // *Ελετηρίδα τοῦ Κέντρου Ελισθημονικῶν ερευνῶν.* 2005. Vol. XXXI. P. 111–114.

¹⁹ *Machairas L.* Op. Cit. Ch. 255.

²⁰ *Ibid.* Ch. 78.

²¹ *Ibid.* Ch. 326.

²² *Ibid.* Ch. 327.

сильным врагом, каковым в очень скором времени станет для Кипра Генуя. Итак, все условия для будущей войны и будущего поражения были заложены в первые же дни правления Пьера II, и они в значительной степени были созданы самим королем.

После того как страсти на улицах Фамагусты несколько утихли, король призвал к себе генуэзского подеста Антонио де Нигроне, который, кстати, постоянно находился при дворе во время королевских “празднеств”. Именно подеста, согласно Махере, отдал приказ своим соотечественникам прийти на королевский пир с оружием²³. И именно его без особых разбирательств король опять же устами своего дяди принца Антиохийского обвинил в случившемся. При этом главная вина подеста и граждан Генуи состояла в том, что они испортили королю праздник. От подеста потребовали письменных объяснений о случившемся. После этого коронационные торжества продолжились, как ни в чем не бывало. Вся свита короля спокойно отправилась к столу ужинать²⁴. От чтения хроник создается впечатление, что для короля конфликт был исчерпан и он о нем просто забыл. Вскоре состоялся рыцарский турнир и великие празднества²⁵. Король был столь занят праздниками, что не нашел больше времени принять генуэзского подеста и выслушать его объяснения случившегося. Дальнейшее общение Пьера II и генуэзского подеста происходило только через посредников. Так, сразу была потеряна возможность урегулировать конфликт путем переговоров, как это всегда делали предшественники Пьера II. Таким образом, конфликт, начавшийся как простая драка между генуэзцами и венецианцами благодаря аппатии Пьера II вырос в международную проблему.

Думается, было бы не совсем правильно рассматривать события 1372 г. как одно из звеньев в цепи постоянных столкновений Кипра и Генуи, а начавшуюся в 1373 г. войну воспринимать как проявление давно назревшей угрозы на том основании, что генуэзские власти в первой половине XIV в. не раз призывали своих граждан к бойкоту Кипра²⁶. Призывы генуэзского правительства никогда не приводили к реальному бойкоту Кипра. Многие граждане республики как ни в чем ни бывало продолжали заниматься своими делами на острове и не собирались эвакуироваться, возможно, потому, что им реально ничто не угрожало. Никогда обострение отношений, обиды, ссоры, коих в XIII–XIV вв. было немало, и угрозы бойкота не приводили к военным действиям друг против друга. И та, и другая сторона всегда понимали заинтересованность друг в друге: киприотам были необходимы генуэзские капиталы, из-за чего короли всегда шли на уступки противоположной стороне; генуэзцам – кипрские порты и рынки. Кроме того, купцы-реалисты прекрасно осознавали способность кипрских монархов контролировать ситуацию в государстве, поэтому они никогда не заходили в своих требованиях слишком далеко и были открыты для компромиссов. Словом, бойкоты были испытанным и действенным средством экономического давления на короля,

²³ Ibid. Ch. 328.

²⁴ Ibid. Ch. 332.

²⁵ Ibid. Ch. 333 (Ὁ ῥήγας... ἔθελε νὰ ποίησιν τζουστες καὶ χαρὲς μεγάλες. “τζουστε” – от французского “jouste” (современное “joute”).

²⁶ *Edbury P. Cyprus and Genoa... P. 109; Idem. The Kingdom of Cyprus... P. 209.*

но они никогда не были нацелены на разжигание политического кризиса, который бы грозил полным разрывом отношений между названными странами и войной друг против друга²⁷. Бойкот был своеобразным приемом генуэзской дипломатии в экономической политике как на Кипре, так и в других восточно-средиземноморских государствах.

В 1372 г. ситуация вышла из под контроля короля. Такова была ситуация, и главное – такой был король. События развивались стремительно. Фактически, страна в одночасье погрузилась в политический хаос. Действия кипрских властей были не только необдуманными, но и провокационными, направленными не на устранение конфликта, а на его углубление. Через несколько дней после произошедших событий генуэзцы, оправившись от шока, потребовали от короля компенсировать им весь ущерб, вернуть похищенные из их лоджий документы и наказать виновных. В ответ король приказал арестовать всех генуэзцев на том основании, что в день коронации они пришли ко двору с оружием. Среди арестованных оказались генуэзские нобили Франческо Скварчафико и Джулиано де Камилла²⁸. Естественно, в сложившейся ситуации генуэзская торговля была полностью парализована. Под угрозой оказалась сама жизнь генуэзцев, оставшихся на острове. Не удивительно, что многие граждане республики, не дожидаясь, когда конфликт будет улажен, покидали остров. Они увозили с собой семьи, имущество и самое главное капиталы. По оценке хронистов, генуэзцы увезли с острова два миллиона дукатов²⁹. Последнее обстоятельство было губительно для кипрской экономики, ибо королевская казна пополнялась главным образом за счет торговых налогов и оборота капиталов иностранных купцов на кипрском рынке. Большая же часть этих капиталов принадлежала именно генуэзцам³⁰. Отток этого капитала мог весьма быстро обескровить кипрскую экономику и опустошить королевскую казну, которая и так, после многолетних крестовых походов Пьера I, была далеко не полной. В связи с этим король и его советники серьезно забеспокоились. Именем короля было объявлено, что генуэзцы сохраняют все свои привилегии на острове, что, как и прежде, они могут вести торговлю на всем острове, что никто не смеет причинить вред генуэзцу. Нарушителю грозило наказание – отсечение правой руки. Все арестованные генуэзцы были освобождены, и им были принесены извинения³¹. “Все было сделано, – пишет Махера, – чтобы смягчить гнев генуэзцев и намазать им рот медом”³². Однако все усилия кипрских властей были слишком запоздавшими. Отчаянная попытка закрыть ворота Фамагусты и силой остановить эвакуацию граждан республики с острова также оказались безре-

²⁷ Близнюк С.В. Мир торговли... Гл. 1. С. 52–53.

²⁸ Machairas L. Op. cit. Ch. 334–336; Amadi F. Op. cit. P. 434; Bustron F. Op. cit. P. 290.

²⁹ Machairas L. Op. cit. Ch. 339; Amadi F. Op. cit. P. 435; Bustron F. Op. cit. P. 291; Strambaldi D. Op. cit. P. 138. Один дукат в это время был равен 3 белым безантам и 18 каратам Кипра. Bustron F. Op. cit. P. 291.

³⁰ Близнюк С.В. Мир торговли... Гл. II. β 3–10; Bliznyuk S.V. Taxation of Trade in Cyprus in the 13th to the First Half of the 14th Centuries // Actes of the XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. (Moscow 1991). Vol. I. Shepherdstown, 1996. P. 65–71.

³¹ Machairas L. Op. cit. Ch.336–338.

³² Ibid.Ch. 338: Τοῦτον ὄλον ἐγένετον διὰ τὰ μαλακτιάνουν τὸν θυμὸν τοὺς Γενουβίους καὶ τὰ τοὺς κολακέψουν.

зультатными. Генуэзцы спешно покидали остров, а подеста республики на Кипре слал далеко недружественные по отношению к киприотам донесения в Геную³³. Леонтий Махера всячески пытается оправдать молодого и неопытного короля. Он несколько меняет хронологию событий и рассказывает, что король сначала объявил о подтверждении привилегий генуэзцев на острове и гарантировал им защиту, а после этого генуэзцы вдруг начали эвакуацию. Остальные кипрские хронисты – Амади, Флорио Бустрон, Страмбальди – лишь следуют за Махерой. Однако объяснения Махеры кажутся по меньшей мере странными и противоречат логике. Реальные события развивались, как мы видели, в прямо противоположной последовательности.

Кипрская сторона постепенно начала осознавать, что эвакуация генуэзцев грозила ей не только потерей собственных доходов, но и крупным международным скандалом. Маленькое и в сущности слабое Кипрское государство на окраине христианского мира, со всех сторон окруженное мусульманскими странами, не только в финансовом, но и в политическом отношении никогда не могло существовать изолированно, без связей и помощи Западной Европы. Будучи государством, основанном крестоносцами и на протяжении веков оставаясь их форпостом на Востоке, королевство Лузиньянов всегда находилось в тесном контакте с Римской курией и в политических делах в зависимости от нее. Государство крестоносцев, каковым являлось Кипрское королевство, по традиции и согласно крестоносной идеологии, должно было находиться под покровительством Рима. На практике только папа мог организовать в случае опасности крестовый поход для защиты латинского государства на Востоке, только он мог донести голос церкви до всех уголков Европы и воспламенить души европейцев на богоугодное дело. Только наместник св. Петра мог благословить воинство крестоносцев и придать экспедиции форму настоящего “законного” крестового похода. Только при этом поход европейской армии на Восток обретал смысл и значение священной войны. Наконец, только тогда можно было привлечь силы и средства для защиты далекого от Европы средиземноморского острова. Практически, это означало, что арбитром в кипрских политических делах всегда оставался папа. Так было прежде, даже при столь независимом и непредсказуемом Пьере I³⁴, так должно было бы быть и во время кипро-генуэзского конфликта 1372 г.

Вполне понятно, что, как только генуэзцы начали бойкот острова, кипрские власти поспешили исправить положение. Король немедленно, дабы опередить неприятеля, направил посольство к папе, чтобы представить произошедшее в выгодном для Кипра свете³⁵. Одновременно киприоты попытались заключить союз с Византией. Они начали переговоры с Константинополем о династическом браке между королем Пьером II Лузиньяном и византийской принцессой, единственной дочерью императора Иоанна V Палеолога Ириной, которая к тому же слыла красивейшей и высокообразованной женщиной того времени. Согласно кипрским источникам, посольство из Константинополя прибыло на остров вскоре после коронации. Послами были Георгий Барда-

³³ Ibid. Ch. 339–340; *Amadi F.* Op. cit. P. 435; *Bustron F.* Op. cit. P. 291.

³⁴ *Близнюк С.В.* Крестоносцы позднего средневековья. С. 25–47.

³⁵ *Machairas L.* Op. cit. Ch. 340, 342; *Amadi F.* Op. cit. P. 437–438; *Bustron F.* Op. cit. P. 292–293.

лис и некий немецкий рыцарь³⁶. Кипрские авторы, разумеется, представляют дело таким образом, что инициатива о заключении брака исходила из Константинополя. Кипрская же сторона затягивала с ответом из-за того, что король был чрезвычайно занят делами в Фамагусте. На самом же деле ситуация была не столь однозначна. Король действительно был обременен проблемами в Фамагусте. Но, думается, именно эти проблемы и стали реальной причиной того, что брак между кипрским королем и византийской принцессой не состоялся. Вероятно, после того как послы из Константинополя оценили сложившуюся на Кипре ситуацию и поняли, что в Фамагусте произошла не простая драка, а Кипр втягивается в серьезную войну с сильным врагом – Генуей, они предпочли покинуть остров и вернуться в Константинополь, не добившись результата. Реакция византийских послов вполне понятна. Однако объяснения Махеры, что киприоты беспокоились о безопасности и благе византийской принцессы, кажутся наивными. Кроме того, во всех кипрских хрониках есть хронологическая ошибка.

Махера, Флорио Бустрон и Амади говорят, что сразу после отъезда византийского посольства на Кипр прибыла дочь герцога Милана Валентина Висконти³⁷ и был заключен ее брак с Пьером II Лузиньяном³⁸. На самом деле брак Пьера II с Валентиной Висконти был заключен только в 1378 г.³⁹ Это было также хорошо известно хронистам. Они пишут об этом еще раз и уже правильно, указывая 1378 г.⁴⁰ Махера говорит, что дочь герцога прибыла на Кипр тайно (κρυφά). Довольно странно. Возможно, Кипр действительно начал какие-то тайные переговоры с Миланом сразу после неудачи с посольством из Византии. Поэтому рассказ о браке с Валентиной Висконти появляется на страницах хроник раньше, чем это событие на самом деле произошло. Хронологическая ошибка в кипрских хрониках явно указывает на лихорадочный поиск союзников против генуэзцев в конце 1372 г. Однако переговоры с Миланом растянулись на длительное время, поскольку никто не хотел втягиваться в войну с Генуей. Даже Венеция, которая начала конфликт, оставила в конце концов Кипр наедине с этой проблемой. Чуть позже, в 1373 г., кипрскому послу ответили в Венеции, что Адриатическая республика слишком занята собственной войной, чтобы оказать помощь Кипру. Также было заявлено, что Венеция отправила собственное посольство в Геную ради до-

³⁶ *Machairas L. Op. cit. Ch. 344; Amadi F. Op. cit. P. 436; Bustron F. Op. cit. P. 291–292; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. München; Berlin, 1965. Bd. V. S. 61; Dölger F. Besprechungen auf dem Buch von Halecky O., Un empereur de Byzance à Rome // BZ. 1933. Bd. 33. S. 135.*

³⁷ На самом деле мы не знаем точно, была ли Валентина действительно дочерью Бернабо Висконти, герцога Милана, или его племянницей. Кипрские хронисты называют ее то дочерью (*Machairas L. Op. cit. Ch. 350*), то племянницей герцога (*Ibid. Ch. 580; Amadi F. Op. cit. P. 487; Bustron F. Op. cit. P. 347*). На этом основании Р.М. Доукинс исправляет Махеру и считает, что она являлась племянницей герцога (*Machairas L. Op. cit. Vol. II. P. 150. Not. 1*). Дж. Хилл полагает, что она действительно была дочерью герцога Милана, и в кипрских хрониках нет никакой ошибки (*Hill G. History of Cyprus. Vol. II. P. 423. Not. 2*).

³⁸ *Machairas L. Op. cit. Ch. 350; Amadi F. Op. cit. P. 437; Bustron F. Op. cit. P. 292.*

³⁹ *Rudt de Collenberg W.H. Les Lusignans de Chypre // Επιστηρικὴ Κέντρον Επιστημονικῶν Ερευνῶν. 1979–1980. 10. P. 145.*

⁴⁰ *Machairas L. Op. cit. Ch. 580; Amadi F. Op. cit. P. 487; Bustron F. Op. cit. P. 347; Strambaldi D. Op. cit. P. 245.*

стижения согласия между конфликтующими сторонами. Одновременно был дан пространный “дружественный” совет, который тем не менее сводился к следующему: король и принц Антиохийский должны сами решить проблему своего королевства⁴¹. Таким образом, результат этого посольства был нулевой. Мы можем лишь сказать, что Венеция, также, как и другие страны, заняла выжидательную позицию. Генуэ же заставил вступить в борьбу страх, что Кипр попадет под влияние Венеции⁴².

Папа Григорий XI сначала был полностью на стороне киприотов. Он выслушал кипрских посланцев. Для урегулирования конфликта он назначил посредников, среди которых был Филипп де Мезьер. Он призвал к себе генуэзцев и потребовал от них объяснений. Одновременно королеве-матери и всем баронам и рыцарям королевства приказывалось заботиться о короле и ему подчиняться (*obediant Petro regi Cypri*)⁴³. Если все было действительно так, как рассказывали кипрские послы, то генуэзцам пришлось бы заплатить киприотам в качестве компенсации ущерба сто тысяч дукатов. Дожу Доменико Кампофрегозо и Совету старейшин Генуи было приказано не допускать каких-либо враждебных действий против киприотов⁴⁴. Одновременно папа призвал дожа не предпринимать ничего против короля Пьера II, поскольку тот ни в чем не виноват. Реальная же вина, по мнению папы, лежала на принце Антиохийском Жане Лузиньяне⁴⁵. В письме папских нунциев от 20 февраля 1373 г. даже сказано, что было будто бы достигнуто двустороннее согласие (*concordia*) между Кипром и Генуей⁴⁶. Однако вскоре генуэзские послы при Святом престоле представили свою версию случившегося, по которой уже генуэзцы становились пострадавшей стороной. В результате папа приказал киприотам наказать венецианцев, спровоцировавших погромы и убийства, и вернуть генуэзцам все имущество, захваченное у них во время беспорядков в Фамагусте⁴⁷.

Положение на Кипре осложнилось еще и тем, что королева-мать Элеонора Арагонская решила использовать создавшуюся ситуацию и генуэзцев в своих интересах и захватить власть в королевстве в свои руки. Для достижения этой цели она при посредничестве своих влиятельнейших родственников в Арагоне обращается к папе Григорию XI. Ссылаясь на то, что реальная

⁴¹ *Mas-Latrie L. Histoire... P. 359–360: “dominus rex et dominus princeps sunt sapientissimi et habent sapiens consilium, et sunt informati plenarie de condicionibus regni et aliis spectantibus ad istud factum, ita quod sperandum est in Domino et in sapientia et in provisionibus suis, quod bene providebunt ad conservationem suam et regni...”* – “король и принц – мудрейшие люди и у них есть мудрый Совет, они хорошо информированы о состоянии королевства и обо всем, что там происходит. Поэтому, надеясь на Бога, а также сохраняя мудрость и предосторожность, они должны принять правильные меры ради спасения себя и королевства”.

⁴² О кипро-генуэзской войне см.: *Ebdury P. Cyprus and Genoa... P. 109–126; Hill G. History of Cyprus. P. 379–415; Norwich J. History of Venetia. L., 1982. P. 244–245.*

⁴³ Grégoire XI (1370–1378), *Lettres secrètes... F. 1. N 787–788, 790, 802.*

⁴⁴ *Ibid. F. 1. N 1327 (Dominico de Campofregoso duci et consilio ancianorum et communi Januensis rogatur ut ab omni novitate contra Cyprienses se abstineant).*

⁴⁵ *Ibid. F. 1. N 1408 (...ad non faciendum apparatus contra regnum Cypri et invasionem, cum rex Cypri sit penitus innocens de injuriis ipsis illatis a Joanne de Lisignano, principe Antiochensi).*

⁴⁶ *Ibid. F. 1. N 1491.*

⁴⁷ *Machairas L. Op. cit. Ch. 352–353; Amadi F. Op. cit. P. 437; Bustron F. Op. cit. P. 293; Strambaldi D. Op. cit. P. 143.*

власть в стране остается в руках прежнего регента, принца Антиохийского Жана Лузиньяна, она просит помощи против него у своего отца, францисканца Педро Арагонского⁴⁸, чтобы на деле, а не на словах возвести на трон законного короля, своего сына Пьера II Лузиньяна, и одновременно отомстить за смерть своего мужа Пьера I. Именно в таком свете представляет брат-минорит Педро Арагонский ситуацию на Кипре римскому папе. В связи с этим он просит папу разрешить генуэзцам “помочь” королеве⁴⁹, т.е. оказать ей военную поддержку. Кроме того, она добивается содействия Григория XI через Иоанна Ласкаря Калофера, папского легата, обласканного в свое время Пьером I Лузиньяном и пострадавшего от принца Антиохийского⁵⁰, и через своего посланника при папском дворе Альфонса Ферранда⁵¹. Следовательно, заручившись поддержкой папы, королева Элеонора Арагонская получила полное моральное право призвать своего кузена, короля Арагона Педро IV (1336–387), и королеву Жанну Неаполитанскую присоединиться к экспедиции генуэзцев против Кипра⁵². Едва ли возможно было придумать лучшее оправдание вторжения генуэзцев на Кипр – “справедливая” война ради восстановления на престоле законного монарха.

Киприоты понимали, что им не удастся избежать войны с Генуей. Все дипломатические возможности были исчерпаны. Кипр готовился к защите. В первую очередь срочно укреплялись фортификации Фамагусты и Никосии. Были арестованы все генуэзские корабли, находившиеся в порту Фамагусты, и имущество граждан республики, еще остававшихся на острове. Одновременно всем генуэзцам было запрещено покидать остров и увозить свое имущество⁵³. Последний поступок был отчаянной попыткой киприотов остановить отток последних генуэзских капиталов с острова и, возможно, желанием причинить еще больший ущерб гражданам Лигурийской республики. Таким образом, при дворе явно царили разброд и паника. Действия

⁴⁸ Педро Арагонский, граф Рибаторсия и Апурии, сын короля Арагона Иакова II, стал монахом-францисканцем после того, как оставил свою жену Жанну де Фуа (Jeanne de Foix).

⁴⁹ *Machairas L. Op. cit. Ch. 342, 355, 356; Amadi F. Op. cit. P. 438; Bustron F. Op. cit. P. 293; Strambaldi D. Op. cit. P. 143.*

⁵⁰ Иоанн Ласкарь Калофер – приближенный короля Кипра Пьера I Лузиньяна, активный участник крестовых походов короля. В 1365 г. во время похода на Александрию находился среди кипрских баронов на королевской галее; в 1367 г. во время рейда к берегам Малой Азии командовал галеей. Был женат на знатной даме Кипра Марии де Мимар, вдове Жана де Суассона. Получил от жены огромное состояние и доходы от владений на Кипре. После убийства Пьера I был арестован регентом принцем Антиохийским и лишен состояния и доходов, полученных на Кипре. Освобожден в 1372 г. после настоятельных и многократных требований папы Урбана V и его преемника Григория XI. Леонтий Махера предпочитает умалчивать о факте его ареста принцем Антиохийским. Grégoire XI. *Lettres secrètes... F. 1. N 132 bis, 1882; Strambaldi D. Op. cit. P. 67, 75, 77–78, 80; Jacoby D. Jean Lascaris Calophéros, Chypre et la Morée // REB. 1968. T. 26. P. 189–228; Jorga N. Philippe de Mézières, 1327–1405. L.: Variorum reprint, 1973. P. 280, 285, 354, 357; Близнюк С.В. Крестоносцы позднего средневековья. С. 35.*

⁵¹ *Machairas L. Op. cit. Ch. 342; Grégoire XI. Lettres secrètes... F. 1. N 1487; Jacoby D. Jean Lascaris Calophéros ... P. 193–195; Edbury P. The Kingdom of Cyprus... P. 201–202.*

⁵² *Machairas L. Op. cit. Ch. 357; Amadi F. Op. cit. P. 439; Bustron F. Op. cit. P. 294; Strambaldi D. Op. cit. P. 143.*

⁵³ *Machairas L. Op. cit. Ch. 358; Amadi F. Op. cit. P. 439; Bustron F. Op. cit. P. 294; Strambaldi D. Op. cit. P. 156; Hill G. History of Cyprus. P. 386.*

короля день ото дня становились все менее объяснимыми и обдуманними. Все попытки киприотов защитить себя, организовать сопротивление, собрать материальные и физические силы, найти союзников против Генуи были безуспешными. Приказ короля всем генуэзцам, остававшимся в Фамагусте, немедленно прибыть в Никосию со всем их имуществом и угроза в случае неповиновения арестовать всех граждан республики, находившихся на острове⁵⁴, выглядят просто бессмысленными. Возвращение туркам Атталии, завоеванной Пьером I в 1361 г. и оставшейся к 1373 г. последним кипрским владением на континенте, также оказалось бесполезным. Кипрские хронисты объясняют это тем, что с началом войны против Генуи королевству особенно были необходимы деньги, люди и оружие, в том числе гарнизон, оставшийся в Атталии. Кроме того, киприоты опасались, что город может быть захвачен генуэзцами и использован как база в войне против Кипра. Поэтому, согласно кипрским хронистам, лучше было отдать город туркам, чем ненавистным генуэзцам. Послы короля отправились к Текке-Бею, предложили ему город, взамен чего потребовали принесение клятвы верности королю и уплаты дани. На что тот немедленно согласился⁵⁵. Киприоты, несомненно, таким образом пытались заручиться поддержкой турок против генуэзцев. Однако эта попытка оказалась явно неудачной. Уплата дани, которую вполне можно назвать платой королю за “подаренный” город, по всей вероятности, оказалась единовременной. После договора о передаче Атталии мы ничего не знаем о какой-либо поддержке киприотов турками или уплате ими дани. Кроме того, передача туркам Атталии вызвала недовольство папы Григория XI⁵⁶. Таким образом, отсутствие у киприотов единоначалия, несогласованность действий, постоянные раздоры при дворе между “партией братьев Пьера I Лузиньяна” и “партией Элеоноры Арагонской” значительно облегчали задачу для генуэзцев в войне против Кипра.

Итак, к 1373 г. в результате несомненно успешной деятельности генуэзской дипломатии и интриг королевы-матери Элеоноры Арагонской ситуация складывалась следующим образом: 1) согласно решению папы, генуэзцы объявлялись пострадавшей стороной; 2) они посчитали себя в праве отправиться на Кипр для восстановления справедливости и для оказания помощи законному монарху; 3) при посредничестве и с одобрения Римской курии они могли рассчитывать на поддержку Арагона.

Следует однако заметить, что со стороны папы никогда не звучало призывов к войне. Напротив, Григорий XI делал все возможное, чтобы уладить конфликт миром. Понтифик просил великого магистра Родоса отправиться вместе с генуэзцами на Кипр, чтобы уладить их конфликт с киприотами⁵⁷. Летом 1373 г. Григорий XI обратился к королеве Неаполитанской и к вели-

⁵⁴ *Machairas L. Op. cit. Ch. 365, 375; Amadi F. Op. cit. P. 441; Bustron F. Op. cit. P. 295.*

⁵⁵ *Machairas L. Op. cit. Ch. 366–369; Strambaldi D. Op. cit. P. 147–149; Amadi F. Op. cit. P. 441–442; Bustron F. Op. cit. P. 296; Близнюк С.В. Крестonosцы позднего средневековья. С. 32.*

⁵⁶ Grégoire XI. *Lettres secrètes... F. 2. N 2198–99 (Primo, ad factum castri Satalie, sicut vituperose et in dedecus et obprobrium nominis Christiani, tuique atque regni prefati detrimentum, honori et fame chritiane fidei persecutoribus traditi, respondemus nos dolere ab intimis vehementer exinde indignationem et cordis amaritudinem suscepisse, nec censemus ulla sufficientes causas hujus tanti mali procedere potuisse).*

⁵⁷ *Machairas L. Op. cit. Ch. 356.*

кому магистру Родоса с просьбой не оказывать военной помощи генуэзцам в организации экспедиции против Кипра⁵⁸. Папские легаты, в числе которых был и Иоанн Ласкаль Калофер, неоднократно направлялись в Геную и на Кипр с целью примирения сторон⁵⁹. Одновременно папа призвал кипрского короля немедленно заключить мир с Генуей⁶⁰. В то же время маршал Ордена госпитальеров отправился на Кипр и безуспешно пытался наладить переговоры между киприотами и Дамиано Каттанео, уже стоявшего под стенами Фамагусты со своей эскадрой. Переговоры провалились, не успев начаться⁶¹. Осенью того же года, когда война была в самом разгаре, Григорий XI обратился к дожу Венеции с предложением стать посредником в примирении сторон⁶². Активное противодействие папы названной войне объясняется не только заботой о благе киприотов. В это время стояла значительно более важная задача создания военного союза против турок. С этой целью папа рассылает письма к правителям Европы, среди которых были королева Сицилии, король Венгрии, император Византии и дож Генуи Доменико Кампофрегозо⁶³. Война Генуи с Кипром препятствовала решению глобальной проблемы, оттягивая материальные и людские ресурсы.

Тем не менее попытки папы уговорить генуэзского дожа не начинать войну, а кипрского короля уступить и заключить мир с Лигурийской республикой провалились. Генуя могла праздновать дипломатическую победу и готовиться к “справедливой” войне с Кипром. В самой Генуе, кажется, царил энтузиазм и эмоциональный подъем. Все верили, что киприоты совершили злодеяния (*scelerata*), которые должны быть наказаны, и что генуэзцы должны отправиться к берегам Кипра ради совершения возмездия (*ad vindictam*)⁶⁴. Немедленно для отплытия на Кипр начали формировать флот под командованием адмирала Пьетро Кампофрегозо, брата дожа Генуи Доменико Кампофрегозо. Одновременно была образована финансовая компания, Маона Кипра, которая финансировала экспедицию на Кипр и поставляла правительству продовольствие и корабли⁶⁵. Именно Маона инвестировала в это

⁵⁸ Grégoire XI. *Lettres secrètes...* N 1888 (Reginae Siciliae rogatur ut Januenses ad invadendum regnum Cypri se disponentes non victualia congregent in regno Siciliae). Аналогичное письмо было направлено на Родос – N 1889.

⁵⁹ *Ibid.* F. 1. N 1487, 1838, 1896, 1897, 1946, 1960.

⁶⁰ *Ibid.* F. 1. N 1947.

⁶¹ *Machairas L.* Op. cit. Ch. 370–374, 376.

⁶² Grégoire XI. *Lettres secrètes...* F. 2. N 2266.

⁶³ *Ibid.* F. 1. N 1606, 1773, 1933, 1934, 1946.

⁶⁴ *Stella G.* et I. *Annales Genuenses.* P. 166.

⁶⁵ Маона – типично генуэзский институт, финансовая организация, объединение частных вкладчиков, предоставлявших долгосрочные займы государству. Государство со своей стороны гарантировало выплату доходов по данным кредитам. Маона подразделялась на отделения (*loca, luoghi*) пайщиков, принадлежавших, как правило, к одной фамилии, т.е. *albergho*. Каждый получал доход пропорционально его инвестициям. Самой древней является Маона Сеуты, самой известной – Маона Хиоса, которая была основана на Хиосе в 1346 г. как ассоциация 29 генуэзских судовладельцев. На Кипре известны две Маоны – Старая (*Mahona vecchia*), основанная во время кипро-генуэзской войны в 1373 г. и Новая (*Mahona Nuova*). В 1408 г. Старая Маона Кипра была инкорпорирована в Банк св. Георгия. В 1402–1403 гг. была основана Новая Маона Кипра для финансирования экспедиции Антонио Гримальди и маршала Бусико против короля Кипра Януса. Она присоединилась к Банку св. Георгия в 1447 г. Как на Кипре, так и на Хиосе Маоны выполняли административные функции и получали

предприятие фантастическую сумму – 400 000 золотых дукатов⁶⁶. Махера и Страмбальди даже говорят, что Маона собрала названную сумму среди вдов убитых в Фамагусте генуэзцев. Это сомнительно. Однако доля истины в их словах действительно есть. Стелла свидетельствуют, что Маона провела среди граждан республики принудительный заем, в результате которого было собрано 104 тыс. лир⁶⁷. Несомненно, все в Генуе ожидали от предстоящей войны большие прибыли, поэтому, наверное, действительно было нетрудно собрать столь значительную сумму за столь короткое время. Многие частные лица, торговые корпорации и лигурийские коммуны также были готовы вкладывать свои деньги и силы в эту войну. Так, например, взнос коммуны Савоны состоял из двух галер и одной двухпалубной навы⁶⁸.

Сначала к берегам Кипра отправилась небольшая эскадра, состоявшая из семи галер, под командованием Дамиано Каттанео. Он появился под стенами Фамагусты в апреле 1373 г. и находился в водах Кипра до прибытия главных сил генуэзского флота в августе того же года в составе 36 галер под командованием адмирала Пьетро Кампофрегозо, к которому он со своей эскадрой тогда же и присоединился⁶⁹. Формально Каттанео было приказано атаковать Фамагусту только в том случае, если король не выполнит требований генуэзцев. Согласно генуэзским источникам, Каттанео даже попытался начать переговоры с королем. Однако все его предложения были отклонены кипрской стороной. Более всего в “несговорчивости” генуэзцы обвиняют принца Антиохийского⁷⁰. На самом деле всем было изначально понятно, что король (или, правильнее сказать, его окружение) не пойдет на компромисс с Генуей. Киприоты были не склонны выплачивать Генуе требуемые 350 тыс. дукатов в качестве компенсации ущерба и передавать крепость Фамагусты под ее протекторат⁷¹. Прибытие эскадры Каттанео к берегам Кипра было явной

значительные дивиденды от торговли (*Bliznyuk S.V. Die Genuesen auf Zypern. Ende 14. und im 15. Jahrhundert. Publikation von Dokumenten aus dem Archivio Segreto in Genua. Frankfurt am Main, 2005. P. 52–53. Not. 58; Cessi R. Studi sulle maone medioevali // Archivio storico italiano. 1919. LXXVII. P. 5–69; Tucci R. Documenti inediti sulla spedizione e sulla mahona dei Genovesi a Ceuta (1234–1237) // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1935. LXIV. P. 217–340; Petti Balbi G. La maona di Cipro del 1373 // Rassegna storica della Liguria 1974. I. P. 269–285; Otten-Froux C. Les institutions génoises et les affaires de Chypre // Etat et colonization au Moyen Age / Publ. par M. Balard. Lyon, 1989. P. 169–172; Idem. Maonesi e la Maona Vecchia di Cipro // Storia dei Genovesi. 1994. XII. P. 95–117; Otten-Froux C., Metcalf D.M. Evidence concerning the Activity of a Mint. at Famagusta in 1456–1457 // Επετηρίδα του Κέντρου Επιστημονικών ερευνών. 1999. Vol. 25. P. 26–27; Pistarino G. Fonti genovesi per la storia di Cipro // Πρακτικά... P. 100–101; Balard M. Οι Γενουάτες στο μεσαιωνικό βασίλειο της Κύπρου // History of Cyprus (in Greek) / Ed. Th. Papadopoulos. Vol. 4. Nicosia, 1995. P. 295–306).*

⁶⁶ *Machairas L. Op. cit. Ch. 358; Amadi F. Op. cit. P. 439; Strambaldi D. Op. cit. P. 144; Mas-Latrie L. Histoire. P. 366–370; Hill G. History of Cyprus. P. 386; Otten-Froux C. Maonesi e la Maona Vecchia di Cipro. P. 97.*

⁶⁷ *Stella G. et I. Annales Genuesens. P. 167.*

⁶⁸ *Mas-Latrie L. Histoire. P. 360–361; Stella G. et I. Annales Genuesens. P. 167. В знак благодарности за помощь в войне генуэзцы назвали один из кварталов в Фамагусте – кварталом Савоны. – (Ibid. P. 167. Not. 2).*

⁶⁹ *Machairas L. Op. cit. Ch. 362; Amadi F. Op. cit. P. 440–441; Bustron F. Op. cit. P. 295; Strambaldi D. Op. cit. P. 146; Stella G. et I. Annales Genuesens. P. 166–168; Hill G. History of Cyprus. P. 387–388; Ebdury P. The Kingdom of Cyprus... P. 204.*

⁷⁰ *Stella G. et I. Annales Genuesens. P. 166.*

⁷¹ *Machairas L. Op. cit. Ch. 370–374, 376.*

демонстрацией серьезности намерений Генуи начать войну. Силами небольшой эскадры невозможно было атаковать неприступную крепость Фамагусты. Однако еще до прибытия основного флота генуэзцы сильно разорили и разграбили округу города⁷², совершили стремительный рейд на Лимассол и сожгли его, без особого труда захватили Пафос⁷³, т.е. все основные порты Кипра были парализованы еще до официального начала войны.

Сам Каттанео впоследствии рассматривал свою миссию исключительно как военную. Всю оставшуюся жизнь он искренне верил, что наводил ужас на киприотов одним своим появлением. «Враги, завидев вторжение его галей в порт Фамагусты, его дела и действия, просто не могли этому поверить, – говорит он через 20 лет о себе, жалуясь дожу Генуи Антонио де Монтальдо и Совету старейшин в 1393 г., – и поэтому сдали ему замок (castrum) Фамагусты...»⁷⁴. Последнее утверждение, как мы знаем, является сильным преувеличением. Крепость Фамагусты была захвачена не штурмом, а хитростью, благодаря виртуозной игре Пьетро Кампофрегозо на противоречиях в среде кипрской элиты и неумению короля оценить ситуацию и организовать сопротивление врагам⁷⁵. В октябре 1373 г. киприоты под командованием дяди короля Жака Лузиньяна⁷⁶ совершили успешную военную операцию против генуэзцев, высадившихся у Фамагусты, и заставили их ретироваться на корабли. Однако затем, вместо того чтобы продолжить наступление, Жак вернулся в Никосию и принял на себя реальное руководство королевством, оставив Пьера II в осажденной Фамагусте⁷⁷. Поведение Жака на первый взгляд может показаться нелепым, если не учитывать разделения кипрской элиты на различные политические группировки и их претензии на власть. Кроме того, в среде кипрской знати постоянно циркулировало мнение о необходимости проведения переговоров. Судя по всему, об этом были хорошо осведомлены сами генуэзцы. Они сначала предложили киприотам провести переговоры на борту их галер, но такая возможность была отвергнута. Тогда генуэзцы выдвинули новый более изощренный и, как оказалось, губительный для киприотов план: провести переговоры в замке (castro)⁷⁸ Фамагусты при условии полной эвакуации оттуда королевского гарнизона. На переговорах должны были присутствовать по пять человек, уполномоченных вести переговоры, и по двенадцать вооруженных людей с каждой стороны. План был принят окружением короля. Лишь несколько человек, говорит Махера, выразили недоверие генуэзцам⁷⁹.

Принц Антиохийский Жан де Лузиньян и его брат Жак, понимая всю опасность предложений генуэзцев, несмотря на требования короля и явное нарушение вассальной присяги, категорически отказались принять участие в переговорах. Жак наотрез отказался покидать Никосию сначала под пред-

⁷² Ibid. Ch. 362.

⁷³ Ibid. Ch. 377; *Stella G. et I. Annales Genuenses*. P. 166.

⁷⁴ *Bliznyuk S. V. Die Genuesen auf Zypern...* N 5. P. 30.

⁷⁵ *Machairas L. Op. Cit.* Ch. 408–415.

⁷⁶ Будущий король Кипра Жак I (1382–1398).

⁷⁷ *Machairas L. Op. cit.* Ch. 383–389.

⁷⁸ Замок (castrum) выступал в море, был соединен с городом лишь узким молотом и защищал вход в порт Фамагусты.

⁷⁹ *Machairas L. Op. Cit.* Ch. 411–412.

логом болезни, а потом на том основании, что население боится остаться без руководства и не выпускает его из города⁸⁰. В итоге кипрскую делегацию возглавлял Жан де Морфу, имевший в кипрском обществе не самую лучшую репутацию и слывший, по сведениям Махеры, любовником королевы Элеоноры Арагонской. План проведения переговоров в замке Фамагусты был в действительности коварным маневром Пьерто Кампофрегозо. Едва генуэзцы оказались в пустом замке, они сразу же затеяли драку, уничтожили находившихся там киприотов и открыли путь своим войскам для наступления на город. Махера обвиняет в предательстве Жана де Морфу, что он якобы был подкуплен генуэзцами. Именно он, как кажется кипрскому хронисту, убедил короля принять названный план переговоров и именно он, а также Раймон Бабин, которого он расположил к себе обещанием заключения матримониального союза между семьями, были виноваты в падении Фамагусты, точно так же, “как Иуда нес вину за Христа” (ὡς γινὼν ἐμετανῶσεν ὁ Ἰουδας μὲ τὸν Χριστόν)⁸¹. Итак, Фамагуста была захвачена; король, королева Элеонора, принц Антиохийский Жан, который все же прибыл в Фамагусту по приказу короля вскоре после захвата замка, а также многие бароны королевства оказались пленниками генуэзцев. Путь к завоеванию всего острова был для генуэзцев фактически открыт. К концу 1373 г. почти весь остров, включая столицу Никосию, был в руках генуэзцев.

Королева сразу же после взятия Фамагусты начала свою лицемерную игру в отношениях с генуэзцами. Она не замедлила выразить надежду, что генуэзцы отомстят за убийство ее мужа, Пьера I Лузиньяна. Благодаря этой “лояльности” к завоевателям ей и ее сыну было позволено оставаться под домашним арестом, в то время как принц Антиохийский был закован в кандалы и помещен в тюрьму⁸². На самом деле всем было очевидно, что ни король, ни его мать не представляют серьезной угрозы для генуэзцев. Более того, паническое поведение короля было только на руку генуэзцам. Своими действиями он вносил лишь дальнейший хаос и усугублял ситуацию. Пьер отправил нелепый приказ Жаку Лузиньяну, единственному из королевской семьи, кто остался на свободе и мог оказать хотя бы какое-то сопротивление, явиться в Фамагусту вместе с его вассалами. Однако повиниться королю и остаться верным присяге – означало добровольно отправиться в плен⁸³. Это не входило в планы опытного политика и воина. Остаться в Никосии было также невозможно. Стены города были неспособны выстоять против сил генуэзцев. Поэтому вскоре после падения Фамагусты он вместе с женой, дочерью и своими вассалами бежит из Никосии и укрывается в Кирении⁸⁴. Приблизительно в то же время принцу Антиохийскому удалось бежать из Фамагусты и добраться сначала до Кантары, а затем до крепости Сант Илларион, находившейся высоко в горах на севере острова

⁸⁰ Ibid. Op. Cit. Ch. 390–395.

⁸¹ Ibid. Op. Cit. Ch. 410–415. Досл.: “как Иуда раскаялся за Христа” (ὡς γινὼν ἐμετανῶσεν ὁ Ἰουδας μὲ τὸν Χριστόν). Ch. 415. Not. 10; *Amadi F.* Op. cit. P. 450–451.

⁸² *Machairas L.* Op. cit. Ch. 415–418.

⁸³ Некоторые из людей Жака Лузиньяна, которые повиновались приказу короля и прибыли в Фамагусту, попали к генуэзцам в плен (Ibid. Ch. 420).

⁸⁴ Ibid. Ch. 399–409, 425.

неподалеку от Кирении⁸⁵. Укрепившись в Кирении, киприоты оказали серьезное сопротивление генуэзцам. Все попытки последних “воздействовать” на Жака Лузиньяна через короля и заставить его сдать город оказались безрезультатными. Если верить Махере, Жака активно поддержало местное армянское, сирийской и греческое население. Киприоты постоянно вступали в стычки с врагом и нападали на небольшие генуэзские отряды. Самым же крупным выступлением Жака против генуэзцев был его поход на Никосию⁸⁶.

Принц Антиохийский играл свою роль в борьбе с врагом, защищая высокогорную крепость Сант Илларион. Попытки генуэзцев “повлиять” на него через Элеонору Арагонскую, которую они взяли с собой в поход на Сант Илларион, провалились. Несмотря на постоянные обвинения королевы в предательстве и сотрудничестве с генуэзцами, звучащие в кипрских хрониках, она, как оказалось, не собиралась подчиняться завоевателям и бежала от них при первой же возможности к принцу Антиохийскому, против которого она еще совсем недавно так активно интриговала. Генуэзцы же были вынуждены отступить из горных почти непроходимых для них мест⁸⁷. Таким образом, дяди короля смогли сохранить контроль над наиболее укрепленной частью острова. Кроме того, через порт Кирении у киприотов оставалась единственная связь с внешним миром. Эта пусть небольшая победа тем не менее положила конец надеждам генуэзцев, что они так просто смогут диктовать условия кипрской стороне. Обладание Киренией оставляло для Кипра хотя бы небольшую возможность того, чтобы отстаивать свои интересы при проведении переговоров с Генуей⁸⁸. В феврале 1374 г. генуэзцы предприняли последнюю безуспешную и отчаянную попытку взять Кирению. После этого обе стороны выразили готовность начать переговоры о мире⁸⁹, который был подписан в октябре 1374 г. В результате войны Фамагуста была аннексирована Генуей. Кипрское государство потеряло свой основной порт – Фамагусту и, следовательно, все доходы от международной торговли, которые прежде питали кипрскую экономику.

Кипро-генуэзская война 1373–1374 гг. слишком дорого стоила Кипрскому королевству. Она, несомненно, была столь разрушительна для государства, принесла ему такие материальные потери и проблемы, с которыми оно не смогло справиться вплоть до конца своего существования в 1489 г. Пьер II Лузиньян, втянувший свое королевство в эту войну, пережил ее и оставался королем до своей смерти в 1382 г. Его королевство однако было повержено⁹⁰.

⁸⁵ Ibid. 419, 425.

⁸⁶ Ibid. Ch. 434–439, 445.

⁸⁷ Ibid. Ch. 432–460, 464–499.

⁸⁸ Edbury P. The Kingdom of Cyprus... P. 206.

⁸⁹ Machairas L. Op. cit. Ch. 464–499.

⁹⁰ О последствиях кипро-генуэзской войны см.: Bliznyuk S. Il prezzo delle guerre dei re di Cipro (XIV–XV secc.) // Südost-Forschungen. 2000/2001. 59/60. P. 104; Близнюк С.В. Цена королевских войн на Кипре в XIV–XV вв. // ВВ. 2000. Т. 59. С. 90; Bliznyuk S.V. Diplomatic Relations between Cyprus and Genoa in the Light of the Genoese Juridical Documents: ASG. AS. Diversorum Communis Janue, 1375–1480 // Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500. Nicosia, 2008. P. 275–291.